

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕАЛИЗАЦИИ ПОДТЕКСТА**
С.С. КОСТЫРЕВА

**MORPHOLOGICAL AND SYNTACTICAL
MEANS OF TEXTUAL IMPLICATION
CREATION**
S.S. KOSTYREVA

В статье рассматриваются способы передачи подтекста в художественном тексте морфологическими и синтаксическими средствами. Автором дается определение подтекста, а также анализируются средства, инициирующие поиск различной по характеру эксплицируемой информации видов подтекста.

The article highlights the ways of textual implication in the text of literature. The definition of textual implication is given. The morphological and syntactical means of textual implication creation are analysed.

Ключевые слова: подтекст, художественный текст, морфологические и синтаксические средства создания подтекста.

Keywords: textual implication, text of literature (fiction), morphological and syntactical means.

Известно, что умение говорящих оперировать различными морфологическими формами слов определяется – если не полностью, то в очень значительной степени, – непосредственным знанием словоформ как таковых, вернее, знанием каждой словоформы в составе множества хранимых памятью выражений [1: 86].

Слово осознается автором художественного текста во всем объеме: от звуковой оболочки до семантики в целом. Слово (или словоформа) – это живой организм, который может существовать как бы отдельно, не соотносясь с тем грамматическим разрядом, к которому оно принадлежит (на уровне синхронии). Но при этом в языке (в сознании говорящего) слово не живет обособленной жизнью, оно существует во всей полноте своих форм и ассоциативных связей.

Поскольку грамматические законы являются достаточно жесткими, то их смысловая нагрузка, как правило, минимальна. Однако если автор прибегает к сознательному нарушению нормы в употреблении отдельных грамматических форм, то в некоторых случаях это может стать сигналом присутствия подтекстовой информации.

Подтекст – лингвистический феномен, ибо он материально закреплен в тексте: в языковой материи текста содержатся сигналы, инициирующие поиск подтекста, вербализуемого читателем с учетом разного рода пресуппозиций. Вследствие отсутствия единого и общепринятого определения подтекста прием рабочее его определение: некий скрытый пласт информации текста, (вос) создаваемый в сознании реципиента на основе авторского текста и вербализуемый реципиентом с учетом разного рода пресуппозиций.

Мы предлагаем классифицировать виды подтекста по характеру реализуемой (актуализируемой) информации следующим образом:

1. Дескриптивный подтекст – пласт информации, имплицитно представляющий описание какого-либо предмета, признака, действия, ситуации.
2. Коннотативный подтекст – информация эмотивно-оценочного характера.
3. Фактуальный подтекст – информация, основанная на фактах, соответствующая фактам.
4. Содержательный подтекст – информация значительного смыслового характера.

Чаще всего разного рода видоизменениям на уровне грамматики подвергается имя существительное. Нами отмечены случаи ненормативного образования и употребления форм множественного числа выделенных существительных, эксплицирующие фактический или дескриптивный виды подтекста.

«...и думала, что вот настигло ее наказание за всю легкость ее беззаботных **любовей**, ...» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Очевидно, абстрактное значение формообразующей основы трансформируется в конкретное. «Любови» героини – это случайные связи, как правило, ограничивающиеся лишь физической, но не духовной близостью.

«А эта находка самой природой гарантировала ей прочную и, как мечталось, достаточно долговечную точку соприкосновения с компанией **человеков**» (М. Палей. Кабирия с Обводного канала). Слово «человеки» в данном случае указывает скорее на пол окружавших Меньку людей, она предпочитала мужскую компанию: «чоловік» в украинском языке имеет значение «муж».

Нами выявлены случаи несоответствия грамматического рода существительных с полом обозначаемых живых существ:

«Живет, как **животная**...» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Здесь конкретизируется пол особи – женский. Вкладывается эта фраза в уста неграмотной Василисы, поэтому может расцениваться как авторский прием, указывающий на несовершенное владение Василисой русским языком, на ее безграмотность.

«**В двух залах, верхней и нижней**, среди стада окаменевших кресел и стульев с резными спинками, стояло по роялю» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Использование архаичных грамматических форм выполняет функцию стилизации «под старину».

Современные авторы употребляют и формы степеней сравнения, образованные от относительных прилагательных. Таким образом, происходит процесс их «окачествления». В приведенных нами случаях так достигается эмфатизация признака: «Было самое раннее, **самое новорожденное** утро, любимейшее Медеино время, ...» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). «**Медея попросила проводить ее в греческую церковь. Самой греческой из московских церквей было Антиохийское подворье**» (Л. Улицкая. Медея и ее дети).

Среди глагольных видоизменений отметим использование разговорно-просторечных форм или форм, образованных по модели другого языка и встречающихся в речи иностранцев:

«*What is all this angry talk for? Why you so upset for? **She just trying** to help us, in her own way. How you know **Banto don't** help with her potions and prayers?» (H.S.Soorae. The Misfortune of a Daughter).*

«*I says. – **You believed her?** You're a sorrier fool than I thought you was. **She ain't leaving nobody**» (G. Herriges. When Women Lie).*

«-А мы ему не **скажемся**. Пойдем вроде в школу и не **скажемся**» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

В таких случаях речь может идти лишь о фактуальном подтексте: указание на неграмотность героев по разного рода причинам – герой «из народа», герой-иностранец.

Средством актуализации мистического подтекста в следующих примерах стало использование глаголов в форме 3-го лица мн.ч. при отсутствии подлежащего в составе неопределенно-личных предложений. Есть некие силы, которые руководят человеком, направляют его действия, определяют его место и т.п. Эти силы не

определены героиней, это нечто потустороннее, не подвластное воле и желаниям человека. *«И тогда мне как будто разрешают вернуться, ...» «Я совершенно уверена в том, что ни случайного, ни лишнего не показывают...»* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Различные виды подтекстовой информации могут быть переданы в речи не только специальным выбором слов, но и особым их размещением. Однородные члены предложения также могут стать средством создания подтекста. Например: *«Матиас подавал ей пальто, или плащ, или жакетку, и они шли на рынок покупать цветы»* (Л. Улицкая. Счастливые). Группа однородных дополнений, соединенных сочинительной связью (союз «или»), актуализирует эмфатизацию цикличности, круглогодичности, регулярности исполняемого действия. Ритуал оставался неизменным и совершался регулярно, независимо от времени года и погоды. В процессе чтения рассказа становится ясным, какого рода был этот ритуал: Матиас и Берта каждую неделю ходили на кладбище, где был похоронен их сын. Регулярность посещений напоминала совершение определенного обряда. Таким образом, эмфатизирована степень важности этих посещений, составляющих значимую часть жизни семейной четы.

«Берта доставала сверток с веником, развязывала узелок, складывала вчетверо газету, в которую он был завернут, а Матиас смахивал веником пыль или снег с незамысловато зеленой скамеечки. Берта стелила сложенную газету и садилась. Они немного отдохали, а потом прибирали этот дом – ловко, не торопясь, но быстро, как хорошие хозяева» (Л. Улицкая. Счастливые). Ряд однородных членов предложения (глаголы в форме ед.ч. прошедшего времени, несовершенного вида доставала, развязывала, складывала и т.п.), обозначающих целый ряд последовательных действий, эксплицирует ритуальность исполнения еженедельного обряда посещения сына, налицо актуализация важности каждого действия, даже самого незначительного.

Нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности, также может инициировать поиск подтекстовой информации. Инверсия определяется положением синтаксически связанных между собой членов предложения относительно друг друга. В постпозицию выносятся фразы, на которых актуализируется внимание.

«Когда они расположились друг в друге вольно и счастливо, душа в душу, рука к руке, буква к букве, оказалось, что между ними есть Третий. Жениcina узнала его первой. Мужчина – мгновение спустя.

- *Так это был Ты? – спросил он.*
- *Я, – последовал ответ.*
- *Боже милостивый, какой же я был идиот... – застонал мужчина.*
- *Ничего страшного, – успокоил его знакомый с юности голос.*

Страшного не было ничего» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

«Но Ася сидела с наслаждением на черном дубовом стуле, оперши покрашенную щеку на руку, и счастливо улыбалась, и нетерпеливо дергала веками, выбирая зазор между словами Анны Марковны, чтобы сказать: – Анечка, а пусть у меня они живут!» (Л. Улицкая. Бедная родственница).

Слова, выдвинутые на первое место, не только акцентируются сами, но и акцентируют те слова, которые при этом оказываются в конце предложения, что также является эмфатической позицией.

Современные авторы часто прибегают к приему парцелляции и нарушению границ предложения. В таких случаях отдельные компоненты текста вычленяются, семантически актуализируются, выдвигаются в «сильную позицию». Следовательно, становятся каналом передачи фактуальной или содержательной подтекстовой информации.

«Поэтому вторым пунктом захватнической программы было устранение с пути главной помехи – президента правления. Или свекра. Или отца мужа» (В.Тучков. Смертельный поединок). В данном случае представлены уровни восприятия Альбиной Евгения: для нее он прежде всего президент правления, должностное лицо, а только затем указывается на их родственную связь. Очевидно, материальное все же превалирует над духовным.

«Интересно спросить у отца, значит ли для него что-нибудь мнение Гансовского? Конечно, значит. Они все хотят друг другу нравиться. То есть не все – всем. Круги. Касты. Закрытые общества... Крысоубийцы. Послушные. Мы, интеллигентные люди... Пошлость какая... Не хочу...» (Л.Улицкая. Казус Кукоцкого). Здесь представлен ход мыслей Тани, обрывочность ее размышлений, имеющих скорее характер констатации или результативности ее размышлений, что указывает на сильное эмоциональное состояние, в котором пребывала героиня в тот момент.

Подобным образом можно объяснить обилие парцеллированных конструкций в произведении С.Кинга: *«For a moment she sees an expression on his face she can hardly credit – it looks like fear. But why would he be afraid of her? Or the baby?», «You'll have another baby, and this won't happen. The next one'll be fine. A girl. Oh maybe a nice little boy» (S.King. Rose Madder).*

Использование вводных и вставных конструкций также может эксплицировать разного рода подтекст: *«А через неделю она уже лежала в кожном отделении больницы имени Мечникова, и заведующий сказал Гертруде Борисовне (по телефону), что надежды нет» (М.Палей. Кабирия с Обводного канала).* В данном случае эмпатизируется боязнь Гертруды Борисовны заразиться и умереть, которая затмевала даже ее материнские чувства. *«А! (Хватаясь за сердце.) Я всегда говорила: надо оставить ее в покое. Пусть делает что хочет. Все равно не жилец... (Скорбное сгущение черт.)» (М.Палей. Кабирия с Обводного канала).* Репарки здесь актуализируют театральность поведения Гертруды, ее манерность.

Таким образом, можно заметить, что современные авторы в поисках путей создания условий реализации подтекстовой информации в области формообразования точно находят территорию творчества, лежащую на границе нормы и ошибки, и вводят в тексты своих произведений формы, которые нельзя не принять, хотя и нельзя назвать принятыми. Размещение слов особым образом как способ передачи подтекстовой информации не относится к числу наиболее часто используемых в анализируемых нами дискурсах.

Мы отметим, главным образом, выявленные нами отступления от нормативной грамматики, случаи заполнения незаполняемых или редко заполняемых клеток парадигм, употребление вариантов архаичных, разговорных и просторечных и т.п. как средства, инициирующие поиск подтекстовой информации преимущественно фактуального или дескриптивного характера.